Да, Босс!

Автор:
Тати Рей

Да, Босс!

Тати Блэк

Полина Рей

Серая мышь и синий чулок – так меня называли не только за моей спиной, но и в глаза. Обычная, неприметная, даже некрасивая… Я считала себя неудачницей, которая ждёт принца на белом коне, а постучит почтальон и принесёт пенсию. Пока однажды не устроилась работать секретарём к влиятельному человеку. Нет, он не владеет красной комнатой и не заключил со мной контракт на моё тело. У него гораздо больше влияния на меня, и теперь единственное, что мне хочется произносить: "Да, босс!».

Для оформления обложки использовались фотографии с сайта shutterstock.

Содержит нецензурную брань.

Тати Блэк, Полина Рей

Да, Босс!

Пролог

Я никогда не умела наряжаться. Эта нехитрая, по словам моей подруги Ольги, наука была мне неподвластна. Сочетание зелёного и ярко-малинового в крапинку, широкий ремень или узкий, колготки в рисунок или простые – у меня в голове не укладывалось, зачем нужно помнить обо всех этих нюансах, если вполне сойдёт классическое сочетание белого и чёрного?

Но сегодня была совсем иная ситуация, требующая вмешательства настоящего профессионала в мире моды – Ольги.

– Ева, ты совершенно безнадёжна! – стонет она в который раз, когда я примеряю синий жакет к юбке-карандашу. – Это сюда не подходит!

А по-моему, весьма неплохо, но спорить с Олей я не тороплюсь.

– Ладно, вот, бери, – наконец, сжаливается она надо мной. – Отрываю от сердца. – И извлекает из сумки чёрное платье, больше похожее на закрытый купальник.

– В этом я не поеду.

– Поедешь, если хочешь произвести на него впечатление.

Под «ним» Ольга имеет ввиду моего босса, на которого я работаю последние недели полторы. Адам Данилович Левандовский. Безумно сексуальный, красивый и… недосягаемый. Мне даже порой кажется, что он – какое-то сверх-существо, которое соткано из несколько иной материи, чем я. Всегда одет с иголочки, иногда нарочито-небрежно, от чего внутри всё переворачивается. И пахнет от него так, что с ума сойти можно от одного аромата его парфюма. А я… Я на его фоне – просто дешёвая замухрышка.

– Не хочу я производить ни на кого впечатление! Он сказал, чтобы я была на этой встрече – я буду. А во что я должна быть одета – не уточнил.

Я всё же натягиваю несчастный синий жакет и застёгиваю его сразу на все пуговицы, будто рассчитываю, что Оля может предпринять попытку его отобрать. Смотрится вполне мило, если не считать того, что на огромных каблуках чуть великоватых мне туфлей я еле стою. Но без них точно никак. Уж

лучше прийти голой и в Лабутенах, чем одетой и без обуви – заверила меня Ольга, и тут я готова с ней согласиться.

– Как знаешь. Но я бы такого красавчика не упустила.

– У тебя для этого полный арсенал, а у меня – ни единого шанса. Так что пусть довольствуется тем, что есть.

Я оправляю жакет, юбку, пытаясь натянуть её чуть пониже. На меня из зеркала смотрит неприглядная бледная девушка – минимум косметики, простые причёска и одежда, очки в толстой оправе, которые я стаскиваю, решив, что сегодня буду действовать вслепую в прямом смысле этого слова.

– Дело твоё, – повторяет Ольга, и я заранее знаю по её тону, что меня ждёт полный провал.

На приёме ощущаю себя зверушкой, выставленной в клетке на потеху публики. Женщины морщат нос, мужчины – смотрят насмешливо. Хотя, возможно, мне это только кажется, потому что чувствую я себя не в своей тарелке. И зачем Левандовскому понадобилось сопровождение в виде его неприметной секретарши? На него уже навешалось столько блондинок и брюнеток, что я удивляюсь, как он ещё не задохнулся, окружённый всем этим великолепием. Взял бы любую из них в спутницы, после ужина отвёз бы домой, трахнул во всех позах, подарил бы на память о себе какую-нибудь безделушку и отпустил на все четыре стороны. Ведь он так поступает со всей этой белобрысо-рыже-каштановой сворой, не так ли?

От фантазий на эту тему во рту появляется оскомина, но запить её глотком дорогущего шампанского я не спешу – не хватало ещё напиться и начать вешаться на шею Левандовскому, которого пора приговорить к пожизненному сроку за то, насколько он притягателен.

И вот он направляется ко мне, а я стою, озираясь по сторонам, пытаясь понять, что могло ему понадобиться.

– Ева, – выдыхает так, что от голоса его по телу бегут мурашки табунами.

– Адам, – откликаюсь эхом, замечая, что голос дрожит. И выдавливаю: – Данилович…

– Идёмте, я представлю вас партнёру. Помните, я говорил о том, как важно произвести на него впечатление сегодня?

Помню. А может, не помню, если учесть, сколько всего мне говорится Адамом Даниловичем каждый день.

– Конечно. У меня это даже записано в ежедневнике. «Произвести впечатление на нашего партнёра», – бормочу я, пока босс ведёт меня куда-то. И когда произносит следующие несколько слов, я округляю глаза и лишаюсь возможности выдавить из себя хоть звук. Закричать, запротестовать на худой конец. Сделать хоть что-то. С уст Левандовского слова срываются как приговор, и я не верю своим ушам.

– Пан Лучак, разрешите представить вам Еву. Это моя невеста, мы собираемся расписаться на следующей неделе.

Глава 1

– И она вот так вот просто тебя отправляет работать к собственному жениху и не боится?

Я так и вижу, как Галя на том конце телефонного разговора удивлённо округляет глаза, будто я только что сообщила ей что-то из ряда вон выходящее. Впрочем, кое в чём она права. Для меня внезапный звонок Вероники, дочери знакомого моего отца, стал громом среди ясного неба. Только пару дней назад я потеряла работу библиотекаря, о новой задуматься ещё не успела, хотя следовало бы, и тут предложение нового рабочего места нашло меня само. И не какое-то, а с баснословным, по моим меркам, окладом в компании, которая давно вышла на международный уровень. Наверняка, папа постарался и «случайно забыл» мне об этом сообщить.

– А чего ей бояться, по-твоему?

– Ну, ты начитанная, умная… С тобой интересно.

– Ты сейчас о ком-то другом, нет?

– О тебе, глупая. Мне же с тобой интересно.

– Тебе – да. Но ты же не жених Вероники.

– Упаси боже!

– Вот-вот.

Вздохнув, я решительно прохожу мимо зеркала, чтобы лишний раз не видеть в отражении больше похожую на моль, чем на человека, женщину почти тридцати лет. Хотя, я до сих пор уговариваю себя, что двадцать девять – это всё же третий десяток, а не четвёртый.

Мама часто настаивает на том, чтобы я красилась ярче, покупает мне пятьдесят оттенков красной помады, подсовывая мне её всюду, куда только можно и нельзя. Папа просит от меня отстать и заявляет, что я от природы настолько красива, что эту красоту нельзя портить никакой косметикой. А я… Я действительно считаю, что каждый человек привлекателен по-своему, но при этом если накрашусь в тех тонах, на которые намекает мама, буду похожа на индейца, вышедшего на тропу войны.

– Ладно, Галка, я ужин разогревать пойду, мои скоро приедут.

– Ты только завтра после собеседования мне всё – всё расскажи, хорошо?

– Хорошо. Как вернусь, сразу позвоню.

– А ты его хоть видела?

– Кого – его?

– Ну, босса своего.

– Он – совершенно не мой!

– Да он тебя завтра же возьмёт, я уверена.

– А я – нет. Так что нечего смотреть на того, с кем я увижусь от силы минут десять. Всё, пока.

Это было моей самой крупной ошибкой, которую я совершила перед тем, как идти на несчастное собеседование. Я просто не посмотрела в интернете фотографии того, кто мог в перспективе – очень-очень призрачной перспективе – стать моим боссом. А следовало бы это сделать. Сразу же, как только я отключила связь, поболтав с Галкой. Или хотя бы после трёх смс, пришедших от неё же через пять минут после нашего разговора. Посмотреть и не пойти к нему собеседоваться вовсе.

«О! Он просто… у меня нет слов»

«Не смей его упускать, крошка! Иначе вместо тебя секретарствовать буду я!»

«Чёрт… Я влюбилась! Он просто богический»

«Богическими» для Гали были совершенно разные мужчины, начиная с Александра Овечкина, который лично на меня наводил ужас всем своим видом, заканчивая Андреем Пежичем, увидев которого я готова была поставить миллион долларов на то, что никакой это не мужчина. Галя меняла мужчин как перчатки, порой влюблялась чуть сильнее в кого-то одного и плача пару дней у меня на плече, но после неизменно находя себе новое приключение. Так что полагаться на её сиюминутный вкус было делом изначально провальным.

В общем и целом, смс Галки я категорически проигнорировала, и как оказалось, зря…

Адам Левандовский, генеральный директор компании «Левандовски корпорейшн», откинулся на спинку кресла и взял со стола анкету следующей

соискательницы на не самую, прямо скажем, завидную должность – должность его личной секретарши.

Адам знал, что работать с ним – задача не из лёгких. Он постоянно разбрасывался распоряжениями и идеями направо и налево, и считал, что секретарша должна фиксировать все, что он говорит, в режиме нон-стоп. Но что было хуже всего – налево он любил разбрасываться не только этим.

В этом, собственно, и была причина того, что он в очередной раз искал секретаршу.

А ведь каждый раз говорил себе не смешивать работу и секс, и каждый раз наступал все на те же грабли. Но кто же виноват, что все его бывшие секретарши были очень хороши собой и ходили на работу в таком виде, что контролировать собственное тело было слишком сложно? Особенно когда торчишь в офисе допоздна и идти после работы ещё куда-то, чтобы подцепить кого-то на ночь – слишком утомительно. Да и, в конце концов, он ведь здоровый мужчина со столь же здоровыми потребностями. К несчастью, у его секретарш сразу после того, как он имел несдержанность их трахнуть, потребности появлялись тоже. И вовсе даже не в продолжении сексуального банкета, вернее, не только в этом.

Каждая, переспав с ним, почему-то считала, что теперь имеет определенные права – либо на его деньги, либо даже на него самого. Естественно, после подобных поползновений он их сразу же увольнял. С щедрой компенсацией, но – непреклонно.

После последнего раза, когда ему пришлось уволить Жанну как раз в то самое время, как она наконец достигла небывалых для себя вершин – научилась запоминать и записывать хотя бы треть того, что он говорил, а не только хлопать глазами, Адам решил, что пора, видимо, менять подход к подбору личного персонала.

Чтобы иметь минимум искушения испортить рабочие отношения с личной помощницей – ему следует выбрать девицу пострашнее. Лучше бы даже в возрасте. Но только не слишком перезрелую, до расцвета старческого маразма.

Удивительно, но задача оказалась сложнее, чем он думал. Такое чувство, что все одиннадцать кандидаток, что он уже успел отсмотреть за сегодняшнее утро, перепутали его офис с модельным агентством. Последнюю, в короткой юбке и с огромным декольте он даже не стал слушать – указал на дверь сразу. От греха подальше.

И вот теперь с безнадежностью во взоре Адам читал очередную анкету.

Начало было неплохим – два высших образования, двадцать девять лет, не замужем. Последнее несколько настораживало, но вместе с тем внушало и определенные надежды, что внешне это именно то, что ему нужно.

Но все изрядно портила пометка в верхнем углу: «от Вероники Константиновны». Если его невеста прислала сюда свою протеже – хорошего не жди. Наверняка станет докладывать Нике о каждом его чихе и посещении туалета. Стало быть, лучше бы выгнать дамочку сразу.

Подавив раздражённый вздох, он все же нажал кнопку селектора и сказал:

– Пригласи.

Дверь открылась, и та, что вошла в его кабинет, превзошла все самые смелые ожидания.

Адам так и застыл в кресле, с зажатой в зубах ручкой, которую имел привычку грызть, находясь в состоянии нетерпения, раздражения или размышления. А если всего сразу – ручке вообще не позавидуешь.

Моргнув, он ещё раз внимательно оглядел вошедшую. Такие экземпляры в двадцать первом веке были редкостью.

Косметики на лице почти нет, если не считать туши, слегка нанесенной на ресницы. В качестве прически – старушечий пучок, а одежда… о, одежда заслуживала отдельного упоминания.

Простые черные туфли без каблука, черная юбка ниже колен, белая блузка и какой-то сидящий совершенно не по фигуре пиджак, вышедший из моды,

должно быть, лет тридцать назад.

Черт, он готов был ее взять прямо сейчас, с порога. В секретарши, разумеется.

Потому что Адам не мог себе даже вообразить, в каком подпитии ему нужно находиться, чтобы захотеть с ней переспать. И плевать даже, что она будет записывать не только его мысли и приказы, но и выходы в туалет.

Он поймал себя на том, что так и сидит в неподобающей позе, закинув ногу на ногу, а по лицу у него ползет довольная усмешка, в то время, как его будущая секретарша все ещё стоит у двери.

Адам выпрямился, положил ручку на стол, и, сделав строгое лицо, кивнул на кресло перед собой:

– Добрый день. Садитесь.

Сдвинув брови, он взял ее анкету и снова просмотрел, сделав это исключительно для вида. Не говорить же было этому неотесанному бриллианту, что он решил ее взять сходу?

– У вас два высших образования и оба в области, далекой от должности, на которую вы претендуете. Почему же вы хотите работать именно у нас? – задал Адам первый вопрос и выжидающе взглянул на девицу.

Едва войдя в кабинет, Ева поняла, что прийти сюда в принципе было ошибкой. Вся окружающая обстановка была настолько чужеродной, что находиться в этом роскошном офисе, где даже скрип кожи кресла её будущего босса звучал каким-то по-особенному дорого, Ева стеснялась. Не её будущего босса – тут же мысленно поправила она саму себя. Потому что если останется и попробует получить эту должность, она будет самой большой идиоткой на свете.

Но, вопреки здравому смыслу, который буквально кричал ей, чтобы она разворачивалась и бежала отсюда со всех ног, Ева подошла к стулу напротив Адама Даниловича, уселась на самом его краешке, прижав к груди сумку, как щит. Сидящий перед ней мужчина был не из этого мира. По крайней мере, не из

мира, в котором привыкла жить Ева на протяжении двадцати девяти лет. В такого влюбиться – даже минуты не нужно. Достаточно только посмотреть в его глаза, удивительно выразительные, словно два чёрных омута. О, их обладатель был настоящим хозяином жизни, наверняка привычный к тому, чтобы его приказы исполнялись в точности и тотчас… А она, она была слишком бесцветной и без того. А уж на фоне Левандовского и вовсе потеряется окончательно. Потому Ева приняла единственно верное решение – провалить собеседование чего бы ей это ни стоило.

– Да, у меня очень далёкие от должности образования, – начала она, слыша, как хрипло звучит её собственный голос. – А хочу работать именно у вас потому… Потому… – Ева замялась, подбирая в уме причину, по которой Адам Данилович сразу же укажет ей на дверь. – Потому что мне нужны деньги. Понимаете, приют для кошек, которому я помогаю, у него огромный долг в ветеринарной клинике. И мне очень нужны деньги, чтобы помочь этот долг погасить.

Она не знала, зачем сказала ему эту полуправду. И зачем Левандовскому в принципе знать о каких-то там кошках. Но то, как он смотрел на неё, не давало ей ни единого шанса выдать что-нибудь другое, более абсурдное. Хотя, Ева надеялась, что и уже сказанного хватит, чтобы Левандовский понял, что им не по пути. Не каждый же день к нему на работу устраиваются с такими целями. Наверняка он привык совсем к другому секретарскому контингенту, а это значит, она и без истории о кошках могла мысленно распрощаться с этой должностью.

Но уж лучше она пойдёт работать на более низкооплачиваемом месте, чем каждый день будет видеть Адама Даниловича и понимать, что он никогда не посмотрит на неё как на женщину.

То, как девица скромно сидела на самом краешке стула и как нервно прижимала к себе весьма старомодную сумку, больше похожую на чемодан – не укрылось от внимания Левандовского и было оценено им по достоинству. Именно такая тихая тень ему и нужна была рядом с собой. Та, что будет молча и беспрекословно исполнять все его приказы и при этом не отвлекать внимания вызывающим нарядом и грудью, которую ее предшественницы имели дурную привычку совать ему прямо под нос вместе с кофе и документами на подпись. Он даже не был уверен, что у нее вообще есть грудь. Под этим кошмарным пиджаком могло скрываться что угодно, но главное – у него не было ни малейшего желания

выяснять, что именно.

А когда она открыла рот… он окончательно убедился, что она просто идеальна. Кошки, подумать только! Адам мысленно поставил девице жирный плюс. Страсть к кошкам явно говорила о том, что заняться ей, скорее всего, больше нечем и некем. Кошки в его сознании были верным признаком одинокой женщины.

– Вы мне нравитесь, Ева, – честно сказал он, прямо посмотрев ей в глаза и улыбнулся. От этого его заявления лицо девицы приобрело слегка ошарашенный вид и, опасаясь, что она – упаси Боже! – решит, что он её уже домогается, в то время как Адам был от этого дальше, чем родной Екатеринбург от Владивостока, пояснил:

– Мне нравится, когда люди честно говорят о своих приоритетах. Деньги – это именно то, ради чего все и работают, потому что каждый человек хочет как минимум есть – и кошки, конечно тоже, – снова улыбнулся он, – но многие соискатели почему-то начинают сочинять иные причины для устройства на работу. Поэтому я ценю вашу откровенность.

Он снова оглядел ее изучающе и едва сдержался, чтобы не сказать, что она ему подходит. Желание взять ее немедленно – на работу, естественно – становилось нестерпимым. Особенно с учётом того, что вот уже неделю на месте его секретарши сидел охранник и пугал своим видом посетителей. Про то, что пользы от него при этом не было никакой, и упоминать не стоило.

– У вас нет опыта работы личным секретарем, – Адам все же заставил себя продолжить интервью, – но, в целом, в этом нет ничего сложного – нужно только быстро печатать и внимательно слушать все, что я говорю. Ну и, конечно, терпеть меня, – он в очередной раз блеснул улыбкой. – Как считаете, вы справитесь с такими задачами?

Едва Левандовский заявил ей о своей симпатии, Ева заподозрила, что всё это может быть просто дурацким розыгрышем. И что сейчас, когда она ляпнет что-то вроде: «Вы мне нравитесь тоже», из-за двери в кабинет появится Вероника-невеста-босса собственной персоной, которая будет хохотать над ней так, что этот позор Ева запомнит на всю жизнь. Но вот Адам Данилович сообщил ей,

какой смысл вкладывал в эти слова, и она успокоилась. И, к ужасу своему, испытала ещё и разочарование. Впрочем, не думала же она, что действительно может привлечь такого мужчину как Левандовский?

От одной его улыбки, когда он заговорил о её несчастных кошках – ну, положим, кошки были совсем не её и не такие уж несчастные – можно было сойти с ума. Скольких он вот так же обаял, просто им улыбаясь? Нет, непросто… ведь от этого обыденного, казалось бы, проявления эмоций, в глазах Левандовского зажигался какой-то удивительный свет.

– У меня вообще с опытом не особо, тут вы правы, – кашлянув, когда в горле встал ком, согласилась Ева. – Но я люблю его приобретать. Опыт, в смысле. В общем, готова к новым открытиям.

Ну почему, почему она говорит всё это? И куда делось желание, чтобы Адам Данилович вышвырнул её из офиса, дав понять, что о получении рабочего места в его компании ей стоит забыть сразу и безоговорочно? Неужели и она готова на всё, стоило только Левандовскому улыбнуться ей и весьма сомнительно похвалить? Начиная злиться на саму себя, Ева предприняла последнюю попытку всё же избежать получения должности секретарши.

– Печатать на машинке? Я не особо умею, но попробую научиться. А печатать нужно всё, что вы говорите, или только то, что я сочту важным? Ну там, телефонные личные разговоры перепечатывать? – протараторив эти вопросы, Ева посмотрела прямо в глаза Левандовского, будто бросала тем самым вызов, исходом которого должно было стать увольнение без принятия на работу. И добавила медленнее и тише: – А терпеть вас – что вы под этим подразумеваете? У меня что, будут ещё какие-то обязанности? Ну там… не входящие в тот перечень, что вы уже огласили. Если да, то озвучьте мне их, пожалуйста. Может быть, я сочту их не совсем приемлемыми для меня, и тогда уже отвечу вам, справлюсь ли с поставленными задачами или нет.

Когда Ева – Адам снова кинул взгляд на ее анкету, чтобы вспомнить имя – заговорила о печатной машинке, брови его поползли вверх. И ползли все выше по мере того, как она выдавала слова с такой скоростью, с какой лучше бы умела печатать, причем отнюдь не на упомянутой ею машинке. А содержание речи, которую она ему выдала, заставило заподозрить, что девица пытается

сделать из него идиота. А этого Адам не любил категорически.

Угрожающе сощурив глаза, он смотрел на нее и размышлял, что бы это все значило. Речь, способная отбить желание брать ее на работу у любого здравомыслящего человека и странный взгляд, в котором читался вызов, ясно дали ему понять, что она пытается провалить собеседование. Вопрос только – с какой целью?

Человек с двумя высшими образованиями никак не мог не знать о существовании компьютера, даже если она и не подозревала о том, что бабушкин пиджак давно не в моде. А вопрос о перепечатке личных разговоров, который могла задать только безнадежная дура – а такой не являлась даже Жанна, которая любила подслушивать его разговоры молча – наводил на мысль о том, что Ника прислала ему это чудо вовсе не для того, чтобы устроить на работу. Скорее всего хотела посмотреть, каким образом он проводит собеседования и не производит ли отбор секретарш залезая им под юбку на первом же собеседовании. Только для чего тогда она вырядила свою шпионку так нелепо?

Как бы там ни было, а он собирался проучить обеих. Не только сидящая перед ним девица умела сочинять сказки.

Он поднялся со своего места, обошел стол и встал прямо напротив нее, опершись ладонями на ручки кресла, в котором она сидела. Подавшись к девице поближе, он понизил голос и сказал:

– Конечно, у вас будут ещё обязанности. Строгий режим. С утра, вместе с подачей кофе я люблю, чтобы мне делали минет. В обед, ровно в 14:00 я буду брать вас прямо на этом столе. Мне нравится поза сзади, а вам? Ну а вечером, перед уходом домой, обязательный сеанс бурного секса на диване в приемной. Надеюсь, вам по силам справиться с таким графиком? – Он приблизил своё лицо к ее, уже понимая, что теперь наймет эту девицу во что бы то ни стало. И будет гонять с поручениями как сидорову козу. Зря она его раздразнила. – Вы же это хотели услышать от меня, правда? – шепнул Адам ей на ухо и резко отстранился. – Так вот, этого не будет. – Он холодно улыбнулся и отошёл. – В ваши обязанности входит только то, что я сказал. И мой скверный характер прилагается в придачу. Последнее, впрочем, компенсируется прекрасной зарплатой – как вы думаете, двести пятьдесят тысяч на время испытательного срока достаточно? А с компьютером я вас познакомлю. На первых же порах

достаточно, чтобы вы запоминали или тезисно записывали в блокнот все, что я говорю, если уж вам ближе ретро. Давайте проверим, как вы справитесь…

Он задумчиво потер подбородок и неожиданно выдал скороговоркой:

– Бонжур, тужур, абажур, коза, баян, фуагра, бадминтон, рояль, собака, алмаз, КАМАЗ, таз, рантье, портье, портмоне. Повторите, что я сказал.

Нет, это определённо был розыгрыш, причём весьма топорный. По крайней мере, Ева была вынуждена ухватиться за эту мысль, когда Левандовский стал перечислять всё то, чем он обычно занимался с секретаршами до неё. Краска бросилась Еве в лицо, но она стоически перенесла и «список дел», и близость Адама. Хотя, жар, опаливший её, игнорировать было попросту невозможно. Этот мужчина действовал на неё совершенно непостижимым образом, иначе как объяснить себе тот вопиющий факт, что она не только испугалась слов «секс», «брать» и «минет», но и даже подумывала согласиться? Только сначала надо было сознаться Левандовскому, что в области орального секса она была совершенно невинна. Интересно, после этого он устроил бы её на какие-нибудь курсы, или нет?

Боже, о чём она только думала в те десять секунд, пока Адам не отошёл от неё и не сообщил, что всё озвученное им – просто шутка? И почему снова испытывает совершенно неуместное разочарование?

А потом её рот сам собой изумлённо приоткрылся, когда она услышала цифру, которую Левандовский был готов платить ей на испытательном сроке. Что-то с этой должностью было не в порядке, раз за записывание слов в блокнот Адам Данилович грозился давать ей такие огромные деньги. Но она не была глупой, чтобы вслух усомниться в том, что заслуживает такую большую сумму в качестве оклада. На эти деньги она сможет исполнить свою давнюю мечту – отправить родителей отдыхать в Крым, где они не были с советских времён. И ещё, возможно, всё – таки останется перевести немного кошачьему приюту. В общем, деньги, которые ей посулил Левандовский, помогли Еве принять окончательное решение относительно должности его секретарши. И если это не чья-то дурацкая забава, она поработает у него месяц-другой и уволится, предоставив возможность кому-нибудь другому заниматься с ним безудержным сексом на диване и приносить кофе.

– Бонжур, тужур, абажур, коза, фортепиано, виагра, минет, то есть, я хотела сказать, бадминтон, кобель, таз, портье, и рантье.

Ева поднялась с места прежде, чем успела окончательно смутиться от вырвавшегося из её рта «минета».

– Надеюсь, этого достаточно для того, чтобы убедиться в моих способностях, господин Левандовский. А сейчас извините, мне пора. Позвоните мне, пожалуйста, сегодня если вам не сложно, и сообщите, берёте вы меня или нет.

Она быстро ретировалась к выходу из кабинета, но какой-то чертёнок, который почему-то вдруг проснулся внутри, когда Левандовский начал шутить свои шутки про секс, шепнул ей, что уходить на такой ноте нельзя. Уже открыв дверь, Ева обернулась к Адаму и сообщила твёрдым голосом:

– И я тоже люблю позу сзади. Знаете, когда волосы на кулак наматывают и…

Вновь почувствовав, как краска бросается в лицо, Ева выскочила в холл, и едва не бегом направилась к лифтам.

Адаму доставило удовольствие то, как Ева покраснела, когда он заговорил о сексе. Румянец сделал ее бесцветное лицо более выразительным, и если бы не эта прическа из разряда «кому за 70», девушку вполне можно было бы счесть симпатичной. Но ещё большее удовольствие ему доставило выражение ее лица, когда он озвучил сумму первоначального оклада. Адам так и видел, как в голове у нее с бешеной скоростью вертятся шестеренки, пытаясь понять, за какие услуги он готов отстегивать такую кругленькую сумму. Он поднес ко рту кулак, чтобы скрыть улыбку и не насмехаться совсем уж откровенно над ее удивлением. Судя по одежде, такую сумму она никогда не получала даже за год, не то, что за месяц, да ещё и на испытательном сроке. Но ему не жаль было этих денег – хорошая секретарша, которую не хочется трахнуть, стоит дорого. К тому же она правильно повторила аж половину из того бессмысленного набора слов, которым он ее огорошил. Значит, небезнадежна.

Вот только то, что она сказала ему напоследок, пробудило внутри неясную тревогу, потому что воображение услужливо подкинуло картинку того, как он наматывает ее распущенные волосы на кулак и склоняет к своему столу. И в его

воображении это было не так уж плохо, как могло показаться, когда он смотрел на нее, облаченную в этот жуткий пиджак и прикрывавшуюся своим чемоданом на все случаи жизни, как щитом. Адам чертыхнулся и решил, что с этим пиджаком ей расставаться никак нельзя, а потому…

– Коля, – сказал он в селектор своему охраннику – тому самому, что сидел сейчас на месте Жанны, – позвони попозже последней кандидатке, Еве, скажем, часов в одиннадцать вечера и скажи, чтобы завтра выходила на работу в 7:00. И обязательно добавь, чтобы непременно снова надела свой чудный пиджачок. А остальных, что ждут своей очереди, отпусти. – Договорив, он отключился, опустился в кресло, и, запрокинув голову, расхохотался. Как все же забавно она выглядела, когда бравировала перед ним минетом и описанием позы сзади. Достаточно было посмотреть на то, какое у нее при этом становилось лицо, чтобы понять, как она далека от того, что ему рассказывает. Но его это, впрочем, совершенно не касалось. Его касались только ее профессиональные навыки. И он собирался устроить ей настоящий испытательный срок – с полным испытанием сил и терпения. До предела. Так, чтобы у нее не оставалось времени что-то докладывать Нике. Адам поймал себя на том, что ждёт этого даже с некоторым предвкушением. Как оказалось, эта девица довольно бойкая на язык, да и не глупая, так что это именно то, что ему нужно. Нравится ей это или нет.

Впрочем, он слишком много думает о своей новой секретарше, в то время, как у него дел по горло. Но стоило только Адаму погрузиться в работу, как его сотовый завибрировал. Ему не нужно было даже смотреть на экран, чтобы понять, что это Ника. Только она до сих пор не могла усвоить, что его нельзя отвлекать в рабочее время.

– Да, дорогая, – ответил он со всем возможным терпением.

– Адам, любимый, привет.

– Привет.

– Ну что, ты уже посмотрел мою кандидатку? Как она тебе?

– Да, как раз недавно отпустил, – ответил он, подумав про себя: «И тебе это прекрасно известно, раз ты мне сейчас звонишь». – Очень умная девушка, – добавил вслух.

– Я же тебе говорила! – обрадовалась Ника. – Ты возьмешь ее?

– Я ещё думаю. Сегодня было много достойных претенденток, – «особенно тех, с кем хочется заниматься чем-то недостойным. Вспомнить хоть ту, с грудью пятого размера» – отметил он мысленно.

– Как жаль… то есть, я хотела сказать, это замечательно. Но, думаю, тебе подходит именно Ева. Да и ей так нужна работа. – Голос женщины на том конце, звучавший сочувственно, был при этом фальшивым насквозь. Адам прекрасно понимал, для чего ей нужна здесь эта Ева. Нике не было никакого дела до того, что той действительно могли быть нужны деньги. Хотя сама девица постаралась на славу, чтобы он ей отказал. Вот только крупно просчиталась.

– Вероника, я сам решу, кого, для чего и почему мне брать, – жёстко отрезал он. – А теперь извини, у меня работа.

Отключившись, Адам с раздражением клацнул по ни в чем не повинной компьютерной мышке, возвращаясь к отчету, который изучал. Ника начинала ему надоедать, причем уже очень сильно. Он держал ее рядом с собой во многом только потому, что его отец считал, что сыну пора остепениться, но при этом был от Ники далеко не в восторге, что и заставляло Адама терпеть ее просто тому назло. Ну и плюс западные партнёры гораздо охотнее шли на сделку, если он появлялся на светских раутах с невестой, чтобы в неофициальной обстановке навести мосты. Вероника Колчанова умела нравиться людям, но на этом ее достоинства исчерпывались.

А потому он ни за что, ни при каких обстоятельствах не собирался на ней жениться. Только ей об этом пока знать было ни к чему.

Глава 2

Чем больше времени проходило после моего собеседования, тем больше казалось, что всё, произошедшее в офисе Левандовского, случилось не со мной. И тот непонятный трепет, что охватывал меня всю, стоило только подумать об Адаме, рождался внутри по необъяснимым причинам.

Галке я звонить не стала. Что толку рассказывать о недосягаемости Левандовского, если изначально было ясно, что заинтересовать Адама как мужчину мне точно не по силам? И вообще почему я об этом думаю? Я же туда секретаршей устраивалась, а не секретуткой.

– Евик, мы с мамой к Заинчковским, с ночёвкой, будем завтра днём.

В мою комнату заглянул отец, переминающийся на пороге с ноги на ногу. Наверняка первопричина совсем не в том, чтобы сообщить мне об их отъезде в гости. И точно – едва я рассеяно кивнула и уткнулась в исторический любовный роман, папа осторожно уточнил:

– Как собеседование?

– Просто отлично! – соврала я, отрываясь от чтения. – Это ты попросил Веронику устроить меня к её жениху?

Произносить слово «жених» относительно Адама было как-то неприятно. Ещё одно необъяснимое обстоятельство в копилку тех, что сегодня уже успели со мной случиться.

– Нет!

Отец, видимо, решил, что я планирую обвинить его во всех смертных грехах, включая неотразимость Левандовского, оказавшую на меня удивительно влияние.

– Вероника сама мне позвонила, расспрашивала о тебе. Ну а дальше вы уже сами там… договаривались. – Он снова замялся, и я тяжело вздохнула. И с чего вдруг я набросилась на того, кто желал мне только добра? – А что?

– Да ничего. Странно просто всё это. Ладно, папуль, вы поезжайте, у меня тут самое интересное начинается.

Вернувшись к роману, я хоть ненадолго смогла отвлечься от неистребимых мыслей об Адаме. Всегда обожала исторические декорации в книгах, морские приключения, неожиданные повороты. Порой мне даже казалось, что я родилась

не в том времени и не в том месте. Как же было интересно оказаться в такой ситуации, в которой очутилась героиня книги Эбигейл.

Я жадно вчитывалась в строки, повествующие о том, как любимый мужчина Эбигейл, герцог Ричфилд предстал перед ней в виде шейха, всё это время обманывая несчастную девушку и выдавая себя за другого. И в этот момент в дверь настойчиво позвонили. Я бросила взгляд на часы – десять вечера. Интересно, кому могло понадобиться навестить меня в такое позднее время?

– Сюрпри-и-из! – возвестили с порога сразу два голоса, стоило мне открыть дверь, за которой стояли Галка и Оля. Последняя держала в руках пакет из алко-магазина. Боже, они хотят пить? Посреди рабочей недели, почти что ночью? Впрочем, работы у меня как не было, так и нет, а вот немного выпить, наверное, не помешает.

– Мы решили, раз ты не звонишь, то всё плохо.

– У кого?

Оля вручила мне пакет и принялась разуваться. Галка уже стаскивала куртку и шарила на полке в поисках тапочек.

– У кого-у кого… у тебя. Он тебя не взял?

– Кто?

– Левандовский твой.

– А-а-а… Пока нет.

– Ну и ладно, Левандовским больше, Левандовским меньше. Пошли, расскажешь всё в подробностях.

Ольга забрала у меня пакет и отправилась на кухню, где вынула из него две бутылки вина, сыр и виноград. Я смиренно вздохнула и поплелась следом, впервые испытывая перед подругами стыд от того, что я такая неудачница.

– Ну! Давай, рассказывай всё – всё!

Галка уже выпила залпом первый бокал вина и теперь смаковала второй, заверяя, что так делают во всех странах, где виноделие поставлено на поток. Сначала достигают лёгкой степени опьянения, после – поддерживают эту кондицию. Мне же хватало и пары глотков, чтобы постичь свой «дзен».

– Нечего рассказывать. Всё прошло… странно.

– А какой он? Сексуальный, богический, строгий?

– Гал, ну что ты пристала со своим богическим? Обычный мужчина. Обаятельный, с чувством юмора. Заявил мне, что я должна буду ему вместе с утренним кофе делать… минет.

Я физически почувствовала тишину, которая установилась в кухне, даже стрелки на настенных часах, кажется, замерли. Галка так и не донесла до рта виноградину, брови Оли поползли вверх.

– Он это серьёзно?

– У тебя же нет в этом опыта! Вот не слушала ты меня, Оля! Говорила же, надо вместо винограда бананов было купить!

Я фыркнула, живо представив себе, как подруги учат меня этой хитрой науке для того, чтобы после я делала минет Левандовскому. Жар снова бросился в лицо, и я поспешно запила сухость, внезапно образовавшуюся во рту, щедрым глотком вина.

– Девочки, ну, хватит. Я же сказала – Адам шутник.

– Ах, он уже Адам!

– Ева, вот что значит «в тихом омуте черти водятся»! Мы и не подозревали, что в тебе кроется такая женщина-вамп! За это надо выпить!

Галка, вопреки своим познаниям о винопитии, опрокинула в рот остатки спиртного и вновь до краёв наполнила бокал, плеснув и нам с Олей ещё немного. Я посмотрела на часы – скоро одиннадцать вечера, а это значит, не увижу я ни должность секретарши Левандовского, ни самого Адама впридачу. И это даже к лучшему. Не будет больше искушения обратить на себя его внимание своими неумелыми комментариями и сомнительным флиртом.

– Ладно, девочки, а если серьёзно – он меня на работу не взял.

– Как так?

– Почему?

– Не знаю. Я ему не подхожу, наверное.

Я пожала плечами, чувствуя, как заметно расслабляюсь от выпитого.

– Ну и правильно! Он такой весь красивый, а я… Я даже вон причёску себе приличную не могу сделать.

Вдруг стало так жалко себя, что я, на всякий случай, отпила ещё вина, закусив его кусочком сыра. Интересно, чем в этот момент занимается Левандовский? Может, вообще сейчас потешается, рассказывая друзьям или коллегам, какая кандидатка пришла сегодня устраиваться к нему на работу. Ну и чёрт с ним! Пусть засунет себе свои минеты, тужуры и абажуры куда поглубже.

– Ну так мы тебе сделаем сейчас! – воодушевилась Оля. – Тащи плойку, бигуди и что-нибудь в таком духе.

Такие эксперименты с моей внешностью никогда не заканчивались хорошо, но вино придавало мне храбрости, потому совсем скоро я уже сидела перед зеркалом, в то время как подруги колдовали над моими волосами. Пока Галя и Оля переговаривались, обсуждая, что лучше будет на мне смотреться, я уныло смотрела в экран телефона и ругала себя на чём свет стоит. А что, если бы я не стала из себя изображать чёрт-те что перед Левандовским? Может, хоть тогда у меня был бы шанс поработать с ним пару месяцев? И полюбоваться им издалека на правах его личного секретаря? Или это вообще в принципе было невозможно?

Эти сожаления кружились в моей голове вместе с неотступными фантазиями о слишком далёком мужчине, когда сотовый в моих руках внезапно ожил, и вместе с этим Галя и Оля хором вскрикнули:

– Это он!

Звонили с незнакомого номера, от чего сердце в моей груди забилось с такой силой, что стало колотиться о рёбра. Если это Левандовский, который через полминуты сообщит мне, что я принята на работу, наверное, я просто сойду с ума от радости.

– Алло, – ответила я на звонок, шикнув на подруг для порядка. – Я вас слушаю.

Это был не Адам… Но то, что мне сообщили, мгновенно подняло настроение на несколько градусов. Я была принята на работу к Левандовскому, который ждал меня завтра в своём офисе к семи утра! Ничего себе, как рано парфюмерные магнаты начинают изобретать свои миллионы ароматов… Но ради босса и двухсот пятидесяти тысяч рублей можно было и встать ни свет, ни заря.

– Девочки! Меня приняли к Адаму на работу! – завершив разговор, шепнула я, поворачиваясь к Галке и Оле, чудом не вырвав себе при этом клок волос, которые последняя как раз наматывала на бигуди. – Завтра выхожу!

Подруги замерли, но лишь на несколько мгновений, после чего тишину в квартире нарушил визг, от которого бабушка с нижнего этажа наверняка перекрестилась трижды.

– Ура! И всё – таки он уже просто Адам! – завопила Галка, и в этот раз я совершенно не собиралась с ней спорить.

Я даже не помнила, как выпроводила подруг по домам во втором часу ночи под пьяное хихиканье и заверения Оли, что мне срочно нужно снимать бигуди, иначе через пару часов у меня будут не волосы, а пружины. Не помнила и того, как улеглась спать прямо на диванчике в кухне, даже не прибрав со стола. Все мысли крутились вокруг того, что через три часа мне нужно было вставать и ехать в офис к Левандовскому, где я увижу мужчину, о котором думала

беспрестанно с самого начала нашей встречи. В большей степени, конечно, этот интерес был подогрет извне разговорами подруг – заверяла я себя – но он был, и с этим я ничего не могла поделать.

Будильник, заведённый ровно на пять утра, зазвенел в моей голове вместе с жуткой мигренью. Никогда не умела пить, тем более не следовало этого делать накануне своего первого рабочего дня на такой важной должности. Встав с диванчика, я поплелась в ванную, где мгновенно проснулась, стоило мне только увидеть своё отражение в зеркале. С бигуди, которые «нужно было снять срочно ещё в час ночи», с припухшей щекой, которую я отлежала, я выглядела просто королевой эпатажа.

– Чё – ёёрт! – простонала я прежде чем начать судорожно срывать с себя вещи вперемежку с бигуди и лезть в ледяной душ.

Трижды чёрт, учитывая, что мне тащиться на трамвае через полгорода, а привыкла приезжать я сильно загодя…

Часы показывали шесть пятьдесят две. Я выдохнула с облегчением. Успела, судя по тому, что двери в офисное здание было ещё закрыты. Выглядела я не лучшим образом – волосы, мокрые после душа, представляли из себя то ли завитую паклю, то ли паклевидную завивку. Их пришлось спрятать под берет, в котором я намеревалась проходить до конца рабочего дня. По просьбе Адама я надела свой вчерашний пиджак, и хотя бы он, вместе с юбкой в пол, был надёжным тылом, за которым я буду прятаться, пока не закончу все свои дела с Левандовским и не поеду домой. Вдобавок я решила не красить ресницы, зато зачем-то применила ту самую мамину алую помаду, что, по её заверениям, «обязательно оттенит мою красоту». На бледном лице она теперь горела ярким пятном, и совершенно не хотела стираться, как я ни пыталась с ней совладать.

Вишенкой на торте были отсутствующие перчатки, забытые мною дома, протестующе урчащий желудок, лишённый завтрака по причине боязни опоздать, и слишком лёгкие для декабрьского мороза сапоги.

Переминаясь с ноги на ногу, игнорируя своё отражение в стеклянных дверях, я поудобнее устроила сумку в руках и принялась ждать.

Ему всегда нравилось раннее утро.

Ощущение мирно дремлющего города, вид сонных громад домов, когда кажется, что все вокруг принадлежит лишь тебе. Редкие прохожие, мелькающие размытым пятном в окнах машины, мчащейся на предельных скоростях, огни фар немногочисленных авто на дороге впереди – все это погружало Адама в особое состояние умиротворения, при котором у него очищались ото всего мозги, чтобы вскоре он мог со свежей головой ринуться в мир большого бизнеса, требующего от него постоянного напряжения сил и мысли.

Было ещё по-декабрьски темно, когда на своём черном Бентли он выворачивал с Либнехта на улицу Малышева, где находился бизнес-центр, в котором располагался его офис. Адам тщательно следил за тем, чтобы его компания выглядела самым лучшим образом со всех сторон. Офис – только в центре города, внутри помещения – все оформлено дорого и со вкусом. Он не жалел денег на создание престижа, неуклонно следуя поговорке «встречают по одежке». А потому его западные партнёры – а Левандовски Корпорэйшн была ориентирована именно на европейский рынок – должны были видеть, что фирма, с которой они имеют дело, прочно стоит на ногах и может позволить себе все самое лучшее. Лучший офис, лучших сотрудников, лучший продукт.

Кстати, о сотрудниках и одежке… он мог только гадать, дожидается ли его ещё Ева, после того, как велел ей явиться в семь утра, а сам подъезжал к офису только сейчас, на час позже. Вообще-то обычно он действительно являлся раньше всех – любил перед началом рабочего дня сидеть в полупустом бизнес-центре, повернувшись в окну и, глядя на город с высоты двадцать первого этажа, наблюдать, как постепенно гаснут городские огни, уступая место новому дню. Да, именно так он поступал обычно. Но ради Евы сделал сегодня исключение. И, насколько успел вчера понять из общения с ней, упорства девице было не занимать, а значит, она наверняка ещё ждёт.

Подъехав к зданию поближе, он понял, что не ошибся. Невысокая фигурка переминалась с ноги на ногу у закрытых дверей, мужественно снося декабрьскую непогоду с порывистым ветром и летящим в лицо мокрым снегом.

Удовлетворенно улыбнувшись, Адам свернул к паркингу, оставил машину и, обойдя здание, направился к своей новой секретарше. Ветер трепал полы его расстёгнутого пальто, стремительно пробираясь под одежду, но это было сущей

ерундой по сравнению с тем, как, похоже, замерзла Ева. Сложив покрасневшие от холода руки в замок, она тщетно пыталась согреть их своим дыханием. На мгновение он ощутил укол совести за то, что подверг ее подобному испытанию, но тут же напомнил себе, что платит ей очень приличную зарплату, ради которой вполне можно померзнуть. Разве помощь кошачьему приюту не стоит того, чтобы потерпеть часок на морозе?

Он подошёл к ней ближе и внимательно оглядел. Судя по тому, какой она предстала перед ним вчера, удивляться не стоило ничему, но Ева каким-то образом ухитрялась превосходить его ожидания раз за разом.

Интересно, где она откопала этот ужасный берет? Такое даже на бабушку не спишешь, потому что этот экземпляр выглядел как сошедший с картины начала прошлого века. Но особенно удался Еве сегодня макияж. Без туши, с бледным лицом и ярко-красными губами она напоминала ему Марфушеньку-душеньку из «Морозко», румян бы ещё только добавить – и полное сходство. Он сдержал при себе порыв спросить ее: «Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?» и вместо этого сказал:

– Доброе утро. Весьма похвально, что вы пришли заранее.

Она хмуро посмотрела на него из-под покрывшихся инеем ресниц:

– Я здесь с семи утра.

– Вот как? – Он удивлённо приподнял брови. – Зачем же вы пришли так рано? В это время здесь все закрыто.

– Потому что вы велели.

– Я? – Адам слегка нахмурился, будто что-то вспоминая, – хм… возможно. Я, знаете, бываю довольно рассеянным. – Он растянул губы в обезоруживающей улыбке. – Это как раз один из тех моих недостатков, что вам придется терпеть. Но, как вы, надеюсь, помните, это щедро компенсируется.

Он открыл перед ней дверь и галантно пропустил вперёд.

– Я распоряжусь, чтобы вам сегодня же сделали пропуск, – сказал Адам, проводя ее через турникет.

В полном молчании они поднялись на лифте наверх. Он снова открыл перед ней дверь и с порога начал знакомить с обстановкой:

– Ваше рабочее место здесь, в приёмной, рядом с дверью в мой кабинет. Можете устраиваться. Кофеварка в углу. На столе стоит, как вы видите, экран, а вот эта коробка под ним – процессор. Все вместе зовется компьютером. Можете начать самостоятельно его осваивать, вы ведь любите приобретать опыт, – Адам усмехнулся. – Если вы мне понадобитесь, я вас позову.

Прежде, чем скрыться в своём кабинете, он ещё раз посмотрел на нее. Ева дрожала, видимо, промерзнув на улице слишком долго. Только этого ему не хватало – едва наняв секретаршу – отправить ее на больничный. Внутри снова неприятно зашевелилось нечто, подозрительно похожее на раскаяние. Ведь это именно он постарался для того, чтобы у нее сейчас зуб на зуб не попадал.

– Раздевайтесь, – кинул Адам ей довольно грубо, злясь на себя за непрошеные эмоции.

На лице Евы отразилось удивление и он пояснил:

– В смысле, снимайте верхнюю одежду. Она холодная. И сделайте себе горячий кофе или чай.

На этом он мог спокойно идти к себе, но почему-то стоял на месте, наблюдая за тем, как Ева непослушными замерзшими пальцами расстегивает молнию. Нахмурившись, Адам включил на максимум кондиционер и, когда она избавилась от своей довольно тонкой куртки, подошёл к ней, снял с себя пальто и накинул ей на плечи, укутывая. А потом сделал совсем неожиданное – провел по плечам вниз, заключая ее холодные руки в свои и подержал несколько мгновений, пытаясь согреть.

– Вы совсем замерзли, – сказал почему-то тихо, и от того, насколько интимным получилось это прикосновение и этот шепот – мгновенно отпрянул, удивляясь сам себе. – Отогревайтесь, – кинул он, прежде, чем скрыться в своём кабинете. – Вы мне нужны здоровой.

Выглянув из кабинета через полчаса, Левандовский обнаружил, что его секретарша выглядит уже гораздо лучше, если не считать так и оставшегося на голове раритетного берета. Может, это у нее семейная реликвия, передающаяся из поколения в поколение, которую надевают по особым случаям? Как бы там ни было, он был совсем не против того, чтобы она никогда не снимала этот предсмертный писк моды, как и свой пиджак, способный начисто скрыть все, чего он знать не хотел.

– Принесите мне кофе. Чёрный, с двумя кусочками сахара, – приказал Адам, перед тем, как снова исчезнуть в кабинете, – и пока обойдемся без минета.

Выпив первую чашку кофе, Адам задумчиво барабанил пальцами по столу, размышляя о том, стоит ли пожертвовать сегодняшний день на дрессировку новой помощницы, и в конце концов решил, что стоит. Он сразу обозначит ей то, в каком стрессовом режиме придется работать в дальнейшем, и вместе с тем не даст свободного времени на доклады Нике насчёт того, что происходит у него в офисе. Двух зайцев – одним выстрелом.

Через десять минут он попросил у Евы ещё одну чашку кофе. Затем ещё. И ещё. И так каждые пять минут в течение часа. И каждый раз, как она входила в кабинет, кидая на него взгляд, в котором ясно читалось «и как вы не обоссались ещё, Адам Данилович?», только мило улыбался и благодарил, незаметно сливая принесенное ему пойло в мусорное ведро.

Покончив с последней чашкой, Адам выждал две минуты и нажал кнопку селектора.

– Ева, зайдите, пожалуйста.

Когда она явилась в кабинет, все в том же берете и с блокнотом в руках, сосредоточенно сжимая пальцами ручку, он поднял брови:

– Слушаю вас. Вы что-то хотели?

Она непонимающе моргнула, но, довольно быстро очнувшись, сказала:

– Это вы хотели.

– Да? Не припоминаю. Я позову вас, если вы понадобитесь. Можете идти.

Через десять минут он вызвал ее снова.

– Да, Адам Данилович, – произнесла она, серьезно глядя на него.

– А я что-то спрашивал? – полюбопытствовал он удивлённо.

– Нет. Но вы вызывали…

– Я передумал, – улыбнулся он и опустил ее.

В следующий раз он вызвал ее спустя семь минут.

Она вошла молча, но все ещё держа в руках блокнот, а на голове – берет. Пожалуй, он готов был вызывать ее бесконечное число раз, только чтобы посмотреть на это чудо столетней выдержки.

– Да, Ева?

– Вы звали?

– Нет.

Она вышла также молча, а он, подождав ещё три минуты, снова позвал ее к себе.

– Может, я прямо здесь сяду? – не выдержала она.

– Зачем? – он посмотрел на нее недоуменно.

– Чтобы не ходить туда-сюда и быть рядом, когда вам действительно понадобится.

– А что же вы пришли?

– Вы же меня вызывали!

Он видел, что она уже на грани.

– Да? Я, должно быть, забыл. Вы же помните, что я страдаю рассеянностью, – улыбнулся он и пожал плечами.

Ева вышла и Адам мысленно отметил, что она прекрасно держится, раз до сих пор ещё не хлопнула дверью.

Так продолжалось до самого обеда. Когда он в очередной раз позвал ее к себе без пяти минут два, она вошла в кабинет с лицом, которое заставляло заподозрить, что скоро ему придется искать новую секретаршу.

– Что-то случилось, Ева? – спросил он, поднимаясь с кресла. – Ну, чтобы там ни было, это подождет. Я хочу пригласить вас на обед. За счёт фирмы, разумеется. Здесь, на самом верхнем этаже, имеется очень хороший ресторанчик. Идемте.

Адам сделал жест, приглашая ее пройти первой в так и оставшуюся распахнутой дверь.

То, что Левандовский нанял её на эту работу с какой-то целью, Еве стало ясно не сразу. Даже тот час, который она провела на улице, когда её попросили выйти наружу и ждать там, не навёл её на эти мысли. Отсутствующий на проходной пропуск, о котором Адам Данилович не позаботился, тоже не особо сигнализировал о каких-то задумках со стороны её босса.

Но вот то, что Левандовский устроил в офисе, буквально кричало: либо она пошла работать к человеку, методам которого позавидовали бы даже самые заядлые садисты, либо… О втором «либо» подумать времени было в обрез. Адам гонял Еву туда-сюда, вызывая её к себе каждые несколько минут, и в конце концов она заподозрила даже, что какой-то демон вселился в боссов селектор, отчего тот живёт своей жизнью. С толку так же сбивало и странное поведение Левандовского, который перед началом рабочего дня вдруг проявил по

отношению к ней вполне человеческое участие. И не мог же он не знать, как именно действует на женщин? Не мог, разумеется, потому всё, что он творил дальше – как согревал её руки, как смотрел на неё в тот момент – Ева предпочла счесть спланированной акцией по её соблазнению. Своего рода самообман, дающий возможность черпать уверенность в себе, если ты пришёл в офис к самому сексуальному мужчине Екатеринбурга в виде пугала с красными губами.

О том, чтобы перекусить хотя бы чашечкой кофе, не могло быть и речи. Во-первых, поначалу ей кусок в горло не лез, как только она вспоминала о прикосновениях горячих рук Левандовского. Во-вторых, времени у неё не было от слова «совсем». Потому, когда пришло время обедать, Ева с тоской смотрела то на часы, то на кубики сахара, которые регулярно клала в чёртов Адамов кофе.

И вот теперь Левандовский вполне себе мирно и спокойно сообщает ей, что они идут в ресторан за его счёт. Ну, не совсем за его, но очень на то похоже. В голове Евы замелькали мысли, направленные преимущественно на то, что стоит поставить во главу угла – свой голод или страх выглядеть на фоне Адама ещё большим чучелом. Она могла побиться о заклад – там будут его знакомые, которых он ещё не поставил в курс относительно нового приобретения в виде своей «супер-секретарши», а это значит, она станет на какое-то время объектом для повышенного внимания.

Вопрос был решён, когда живот снова свело от голода. Уж лучше быть сытым посмешищем, чем уехать из офиса не на трамвае, а на карете скорой помощи, упав в обморок в конце рабочего дня. Это решение показалось Еве наиболее здравым, она царственно кивнула Левандовскому, вскинула подбородок и гордо прошествовала в сторону выхода, всем видом показывая, что она согласна.

Ресторанчик действительно был весьма неплохим – Ева посудила об этом, исходя из своего весьма небогатого опыта хождения по подобным местам. Добирались до него они молча, только Еве всё казалось, что взгляд Адама Даниловича то и дело опаляет её своей притягательной темнотой. Впрочем, когда они устроились за столиком, она успела заверить себя, что всё это лишь плод её воображения.

Неловко стянув берет, залившись при этом краской с ног до головы, она пригладила всё ещё влажные волосы, старательно делая при этом покер-фейс. Он ей удавался редко, но Ева надеялась, что сейчас Левандовский по её виду не поймёт, что именно она испытывает.

– Скажите, босс, – впервые обращаясь к Адаму именно так, попыталась она начать непринуждённую беседу. – Вы всех своих секретарш заставляли скакать козами по вашему офису с пятьюстами чашками кофе или только мне так повезло? И если только мне, то в чём причина таких, не побоюсь этого слова, спортивных упражнений, устроенных в мою честь?

Адам только брови приподнял, когда Ева проплыла мимо него к лифту с царственным видом – так, словно оказывала огромную честь тем, что идёт с ним обедать за его же счёт. Возможно, будь на ее месте какая-то другая – и он вместо обеда уже выставил бы ее на мороз, но подобные трюки в исполнении его неотесанного бриллианта наблюдать было любопытно.

Особенно любопытно Адаму стало, когда новоявленная секретарша, садясь за стол, сняла наконец с головы свой винтажный берет из раздела «столько не живут». Он гадал, что такого может под ним таиться, если она столь старательно прятала это весь день? Но сбыться его ожиданиям было не суждено – под головным убором не оказалось ничего неординарного – ни старушечьего пучка, ни неудачной завивки а-ля восьмидесятые. Всего лишь непросохшие волосы. Красивые, длинные, чуть влажные как после душа или хорошего секса… черт! Надо попросить ее впредь не снимать свой старинный берет. И не краснеть. Потому что заливший щеки Евы румянец снова сделал ее лицо более живым и привлекательным, чем было до того, когда она больше походила на мумию, чем на живого человека.

Пока они ждали, когда их обслужат, Ева начала с ним разговор. Выслушав ее вопрос, он хмыкнул, и, усмехнувшись, невозмутимо заявил:

– Нет, по офису я заставлял скакать не всех. Некоторых я заставлял скакать прямо на мне. Но, уверяю вас, им нравилось. – Он с интересом следил за тем, как она среагирует на сей раз на затронутую им тему секса, от которой вчера так краснела. – Что же касается вас… считайте, что это была проверка на прочность, которую вы достойно выдержали. Так что до конца дня я больше не буду вас… трогать. – Адам посмотрел на нее насмешливо и тут же добавил, уже более серьезно:

– Разберите, пожалуйста, бумаги на столе. Там полнейший бардак. Сидевший на вашем месте Коля – это мой охранник – умеет читать разве что содержимое

баллончика с освежителем воздуха в туалете, и то с переменным успехом. – Пока он говорил все это, к ним наконец подошла официантка. Она работала здесь, кажется, уже тогда, когда он только ещё начал снимать в Высоцком свой офис, а потому на правах старой знакомой Арина часто позволяла себе с ним некоторую фамильярность.

– Добрый день, Адам… Данилович, – промурлыкала она, – у вас новая сотрудница?

– А почему ты не думаешь, что это моя новая подружка? – поинтересовался он.

– А вы шутник! Думаю, она могла бы работать у вас разве что уборщицей, – фыркнула официантка, говоря так, словно Евы здесь вообще не было.

Адам не стал уточнять, с чего она взяла, что он стал бы водить в недешевый ресторан своих уборщиц – это было дело пятое, гораздо сильнее его разозлило совсем иное.

– Извинись, – приказал он не терпящим возражений тоном. – Эту девушку зовут Ева, и она моя личная помощница.

– Смешно, – снова фыркнула девица.

Адам встал, схватил ее за локоть и повернул лицом к Еве.

– Извинись немедленно или вылетишь отсюда в два счета, – предупредил он, угрожающе сузив глаза.

– Извините, – пробормотала официантка. – Что будете заказывать?

– Свободна, – спокойно сказал Адам, снова садясь за стол, – и пусть нас обслужит кто-нибудь другой.

Когда она отошла, он посмотрел на Еву, как бы извиняясь за произошедшее:

– Мне очень жаль. Она просто ненормальная. Дело не в вас, – чуть помолчав, Левандовский решил вернуться к прежней теме:

– Раз уж мы с вами сейчас откровенничаем – а вопрос о том, кто и как скакал по моему офису я расцениваю именно так – то, может быть, расскажете мне, для чего вы вчера строили из себя идиотку, которой, несомненно, не являетесь?

То, что Левандовский воспринял пассаж официантки едва ли не ближе к сердцу, чем она, ошарашило Еву настолько, что некоторое время она только растерянно хлопала глазами, не зная, чего ждать от босса дальше. Но до чего он был хорош в гневе! Даже предположить нельзя было, что при виде того, как другая женщина рассердила Адама, внутри Евы вспыхнет такой пожар самых противоречивых эмоций. И тем не менее, именно это и произошло.

Поначалу ей хотелось сказать ему, что ничего страшного в случившемся она не видит, но она лишь прикусила язык и промолчала. Потому что впервые чувствовала себя настолько женщиной рядом с мужчиной, который ей не принадлежал и никогда принадлежать не будет. И снова так сладко было самообмануться на эти несколько минут. Представить, что Левандовский – её кавалер, который привёл её в ресторан не потому, что проявил наконец вежливость, а потому что она ему нравится.

Как всё это глупо.

С кавалерами у Евы вообще было довольно туго. Последний парень, с которым она встречалась и за которого даже сдуру собиралась замуж, надоел ей хуже горькой редьки довольно быстро. И хоть Галка перманентно закатывала глаза при упоминании его имени и ворчала, что с таким занудой она бы не продержалась и часа, Ева считала, что год, проведённый вместе с Вадимом – это не такой уж и большой срок.

Стоило признаться самой себе окончательно и бесповоротно – подобной реакции, которую вызывал у неё Левандовский, она не испытывала по отношению ни к одному мужчине. Может, в его парфюм добавлены нотки дурмана? Иначе как объяснить себе тот факт, что Ева-самая-обычная-и-унылая-девушка-из-всех-возможных возбуждается от одного аромата, который даже сейчас опутал её, лишая здравого смысла?

В ней будто рождалась какая-то совсем другая женщина, закованная в броню непрезентабельного вида, мешковатых вещей и скучного образа жизни. И вот он – вопрос, произнести ответ на который равносильно попросить Левандовского трахнуть её прямо на столике, за которым они сидели. Ведь не скажешь же ему, что она хотела провалить собеседование потому, что отчаянно боялась в него влюбиться. Впрочем, сейчас бояться было уже совсем не актуально.

– Видите ли, босс…

Произносить вновь это слово, которое она без умысла окрасила голосом шипящими нотками, теперь было даже слаще, чем в первый раз. Словно это окончательно утвердило её в мысли, что теперь она работает на Адама.

– Дело в том, что я не особо смыслю в секретарской работе, а ваша, кхм, невеста, почему-то выбрала из всей, несомненно длинной, вереницы её знакомых именно меня. Мне гораздо ближе то, чем я занималась раньше – библиотечное дело. Но меня уволили… Сокращение штата. – Она снова начала тараторить, хотя ей совершенно не хотелось этого делать. Просто казалось, что всё это настолько безынтересно Левандовскому, что он вот-вот начнёт зевать, а после и вовсе молча встанет и уйдёт, не дослушав. – Так вот, к чему я это? Моё представление о секретаршах весьма узкое. Было до этого момента, – увлечённо врала она, лишь бы только не ляпнуть что-нибудь о том, что являлось истинной причиной её вчерашнего театрального выступления. – Не очень далёкие, готовые на всё для босса, в том числе и в сфере интимных услуг. Делающие кофе и минет, ну и сами ложащиеся с раздвинутыми ногами на тот самый ваш стол ровно в 14:00. Хотя, нет, наверное, они вставали к вам спиной?

Осознав, что она только что выдала, Ева поспешила скрыть неловкость за глотком воды и повернулась к застывшему рядом с ней официанту. Он что, слышал эту её отповедь, которую она повторила за Адамом скорее по инерции, чем понимая, что именно говорит?

– Мне, пожалуйста, какой-нибудь салат и кофе, – продиктовала она заказ, делая вид, что ничего особенного не произошло. – А хотя, нет! Кофе не нужно. Лучше чай и чизкейк.

Он слушал ее внимательно, хотя, видит Бог, довольно-таки бестолку, потому что из тех разрозненных фактов, что она ему выдала – начиная от Ники с вереницей знакомых, продолжая библиотекой и почему-то его столом, на котором и у которого он трахал своих секретарш – Адам с трудом мог сложить цельную и логическую картину, что породило в нем новый виток мыслей, что из него пытаются сделать идиота.

Итак, если поверить Еве, она понятия не имеет, зачем Ника отправила ее к нему. Допустим. Втянуть в свою интригу ничего не подозревающих людей – вполне в стиле его пока ещё невесты. Но почему именно Ева? Не потому ли, что Ника прекрасно знала: на такую, как эта девушка, он два раза подряд не взглянет? И тем самым они с ней преследовали одну цель – чтобы он нанял в секретарши самую непривлекательную особу, какую только можно сыскать. К несчастью, Адам уже начал понимать, что с Евой все не настолько плохо, как ему того хотелось бы. Впрочем, он все ещё был очень далек от того, чтобы завалить ее на стол – хоть в 14:00, хоть в половине пятого. И за эту мысль стоило держаться.

Вообще, если бы не ее подчас очень бойкий язык, он бы, пожалуй, мог не замечать ее вовсе, словно какой-нибудь предмет мебели. Но каким-то непостижимым образом Ева умудрялась быть даже чересчур заметной с этими своими нелепыми беретами, пиджаками и чемоданами. Ну ничего, скоро он привыкнет к ее присутствию и станет воспринимать как что-то само собой разумеющееся, ну а пока… а пока стоило расставить некие точки над «i».

– Ева, если честно, то я ничего толком не понял, – признался Адам, размешивая ложечкой сахар в кофе – первом приличном за день, – поэтому давайте по порядку. Первое – продолжайте называть меня Боссом вот также, как сейчас, чуть с придыханием и лёгким шипением на языке – и, может быть, получите повышение до того самого стола, который так запал вам в душу. Второе – у меня, конечно, не библиотека, но я все же надеюсь, что вам будет интересно. Завтра во второй половине дня мы с вами поедем в лабораторию, где сейчас проходят тесты нового аромата Левандовски. Будьте готовы фиксировать все мои замечания. Третье – я запишу вас, пожалуй, на мастер-класс по варке кофе, потому что то, что вы сегодня приносили, заставляет меня подозревать, что либо с варкой кофе у вас не очень, либо вы перепутали кофе и кошачьи подушечки, которые Коля хранит в том же шкафчике для подобранного им бродяги Зюзи. Судя по запаху – с курицей. Ну и четвертое – я все же расскажу вам, если вы так уж хотите знать – да, они вставали ко мне спиной. И ложились на стол, широко разведя ноги – тоже. Я мог бы перечислить вам и все остальные позы, в которых

ваши предшественницы были готовы для меня на все, но не хочу утомлять долгим рассказом. И верно ли я понимаю, что вчера, когда вы пришли ко мне на собеседование, имея, как вы выразились, весьма узкое представление о должности секретарши, уже были заранее готовы предоставлять мне интимные услуги? – Он вздернул бровь, задавая последний вопрос, и сам не зная, для чего это спрашивает. Ему не хотелось думать о ней, как об очередной девке, которую он хорошенько оттрахает, а потом будет вынужден уволить. Она действительно ему нравилась – по своим исключительно деловым качествам, разумеется, потому что была умнее всех его бывших секретарш, вместе взятых – и категорически претило сейчас представлять ее на своём столе, с раздвинутыми ногами, между которых будет он. Интересно, что она носит под юбкой? Чулки – вряд ли. Хорошо если там прячутся просто теплые колготки, а не бабушкины панталоны с начесом в придачу. Вообразив все это, он усмехнулся, чувствуя странное облегчение – от того, что фантазия стала работать совсем в иную, гораздо более безопасную сторону. Да уж, бабушкины панталоны с начесом охладят кого угодно.

Забыв про приличия, Ева набросилась на салат с таким аппетитом, будто не ела до этого момента минимум неделю. Впрочем, примерно так оно и было, если учесть, что за вчерашний вечер она осилила только кусочек сыра, а утром не позавтракала вовсе. В этот момент она вполуха слушала, что ей говорит Адам и надеялась, что он не сочтёт её излишне прожорливой. Вычленила из всего сказанного Левандовским несколько вещей. Первое – он не любит кошачий корм, по крайней мере, тот, что с куриным вкусом. Второе – завтра они отправляются в лабораторию, где ей придётся всё – всё за ним записывать. Третье – он отправит её учиться варить кофе, хотя, она не понимала, зачем именно. С этим прекрасно справлялась и имеющаяся в офисе Левандовского кофемашина. Ну и четвёртое – он трахал у своего стола секретарш в разных позах, а теперь, если она будет называть его боссом, её ждёт та же участь.

И последнее Еве решительно не нравилось. Особенно та часть, где в её фантазиях Адам со спущенными до колен штанами двигался меж стройных бёдер какой-нибудь раскинувшейся перед ним на гладкой поверхности нимфы. Она отложила вилку и инстинктивно одёрнула юбку. Таких роскошных ног, какие подбросило услужливое воображение, у неё не было, следовательно, беспокоиться о том, что босс покусится на неё, не стоило. И это снова разочаровало, как и некоторые обстоятельства, с которыми она столкнулась ещё вчера.

– Да, босс, – ответила она машинально, но тут же добавила, чтобы Адам излишне не впечатлился её придыханиями: – Про Зюзю я поняла, про лабораторию тоже. Про позы у стола – тем более.

Она залпом выпила чай, так и не притронувшись к чизкейку. То ли салат был весьма сытным, то ли напрочь пропал аппетит. Так, чего доброго, она и вовсе есть перестанет, если продолжит думать о других женщинах, до которых Левандовский был тот ещё охотник. И ревновать к ним всем. Да-да, именно это неуместное, жгучее, отравляющее чувство, на которое Ева не имела никаких оснований и прав, цвело в её душе пышным цветом. Пускало яд по её венам, заставляло ругать себя на чём свет стоит, но неизменно возвращаться мыслями к Адаму и его секретаршам снова.

Кстати, у него ведь была невеста. И этот факт говорил о том, что сидящий напротив мужчина категорически не подошёл бы ей никогда, даже если бы вдруг случилось что-то из ряда вон выходящее, и он понял, что хочет быть с ней. Потому что измену она не простила бы даже под дулом пистолета.

И вообще, почему она в который раз обо всём этом думает? Почему так беспечна в том, что чувствует, и с чем совершенно не борется? Ведь это может плохо кончиться – и именно для неё. Что Адам? Он пойдёт и дальше по своей безупречной, дорогой и беззаботной жизни, забыв напрочь о том, что по самому её краешку когда-то прошла тенью Ева Власова. Ну или будет вспоминать о ней со смехом, пока она не сотрётся из его памяти.

А что останется ей? Чувства, с которыми ей и без того предстоит жить дальше. Родившимися так внезапно и стремительно, что они были подобны снежной лавине. Только у неё есть выбор – попытаться эти чувства в себе убить, что нужно было начинать делать прямо сейчас, или же продолжать лелеять их, подпитывая ревностью и своим воображением. И тогда ей действительно придётся несладко.

– Что касается вашего вопроса про интимные услуги – нет. Я не хотела вам предоставлять их ни сразу, ни через время, ни вообще когда бы то ни было. Потому и желала, чтобы вы меня не взяли. Но раз уж я заняла эту должность, знайте – с каким бы придыханием я ни произносила: «Да, босс!», место возле вашего стола, равно как на нём и под ним я не займу никогда. На этот счёт можете не переживать.

Она намеренно не сказала: «Можете не надеяться», ибо предположить, что Левандовский питает надежды трахать её на завтрак, обед и ужин, было столь же абсурдно, как и считать, что он мог заинтересоваться ей как женщиной в принципе. И горечь, которая возникла внутри Евы от этого понимания, ей лучше было игнорировать тоже.

– А теперь, когда между нами всё решено, если вы не против, я вернусь к своим обязанностям. Не хочу больше быть бесполезной.

И она поднялась из-за столика, давая понять Адаму, что её обеденный перерыв закончен.

Ева ела столь жадно, что Адаму быстро стало ясно, что при таком треске за ушами вряд ли она поняла из сказанного им хоть слово. Оставалось только надеяться, что во все остальное время она будет слушать его более внимательно. Если же нет… он пожал плечами – если нет, то ему попросту придется ее уволить. Ее предшественницы, хоть и были не умнее кирпича, зато, по крайней мере, отменно умели преданно смотреть ему в рот, что само по себе уже было той самой мелочью, которая приятна.

Когда его секретарша наконец переварила свой салат и открыла рот, чтобы ответить на заданный вопрос, Адам понял, что лучше бы этот рот и дальше был занят салатом. Ибо заявление о том, что она не собиралась и не собирается предоставлять ему интимные услуги, вместо облегчения неожиданно вызвало в нем бессмысленную досаду. Он не привык к тому, чтоб женщины проваливали у него собеседования ради того, чтобы он их не трахнул. Обычно все было с точностью до наоборот. Но Адам быстро подавил в себе глас ущемленного самолюбия, рассудив, что факт того, что Ева не питает в его сторону интереса – как, впрочем, и он в ее – только к лучшему для обеих сторон, о чем он ей охотно и сообщил.

– Очень хорошо, что вы не собираетесь полировать мой стол, Ева, – лениво улыбнулся он, как хищник – добыче, которую собирался съесть, – потому что мне очень бы не хотелось, чтобы вас постигла участь ваших предшественниц, которые вслед за взлетом на мой стол кончали потом свою карьеру под этим самым столом, с личным делом в мусорной корзине и приказом об увольнении. – Адам и сам не понял, зачем высказал ей все это – должно быть, хотел

предупредить, чтобы действительно держалась подальше от его стола и от него самого, насколько это возможно при ее должности.

Когда она встала из-за столика, чтобы вернуться в офис, он поймал ее запястье и потянул девицу на себя, заставляя наклониться к нему.

– Я ещё не всё сказал, – произнес негромко, но в тоне его явственно звучало предупреждение. – Хочу, чтобы вы, Ева, запомнили самое главное, основной, скажем так, принцип работы со мной: пока вы преданы мне и только мне – у вас будет все. Больше, чем вы можете сейчас вообразить. Но если я узнаю, что вы играете еще на чьей-то стороне… нам будет совершенно не по пути. Надеюсь, вы понимаете, о чем я. Если же нет – тем лучше для вас. – Адам прожег ее взглядом темных глаз и выпустил руку из своего цепкого зажима. – Теперь можете идти, – кивнул он. – Я сейчас уезжаю по делам, так что доработаете до шести – и свободны.

Когда Ева стремительным шагом удалилась, он на один короткий миг пожалел о том, что говорил с ней так. Но лучше было сразу предупредить ее, что шпионов в своём офисе не потерпит. Если же она действительно не получала от Ники никаких инструкций – то и волноваться ей тогда не о чем. А если все же получала и доложит его дорогой невесте об их разговоре – пусть. В конце концов, он легко мог найти Нике замену. Правда, желательно это сделать после того, как они побывают на одном очень важном для него приеме. А вот по его завершении он, пожалуй, и избавится от Колчановой. Она, несомненно, будет очень раздосадована тем, что от нее уплыла столь ценная рыбка, но на это ему было решительно наплевать. Его уже достал этот аквариум.

И пусть его будущая экс-невеста и пока ещё действующая секретарша ему потом хоть все кости перемоют. Правда, он сильно сомневался в том, что Ника снизойдет до дружеской беседы с такой, как Ева. А зря. Он бы дорого дал, чтобы послушать подобный разговор, зная бойкий язык своей секретарши. Усмехнувшись, Адам поднялся из-за стола и покинул ресторан, отправившись развлекаться одним из самых излюбленных своих способов – внезапным посещением бутиков Левандовски.

Глава 3

Возвращалась в офис после обеда я в разрозненных чувствах. Слова Адама Даниловича не шли у меня из головы, и касались они совсем не его рассказов о прошлых отношениях. Хоть эта информация и стала для меня лишней, царапнувшей по нервам и вызвавшей только неприязнь, думала я вовсе не о ней.

Кожа на запястье горела в том месте, где её касались горячие пальцы Левандовского, а перед глазами всё ещё стоял предупреждающий взгляд босса, которым он смотрел на меня, рассказывая, что я должна быть ему верна. Интересно, что он имел ввиду? У него есть враги? Ну, разумеется, есть. У такого человека, как Левандовский, наверняка их миллион, начиная от завистников, заканчивая конкурентами. Точно такими же акулами бизнеса, как и он сам.

Я мало понимала в подобного рода войнах и не собиралась разбираться в этом в принципе, но конечно же, не желала, чтобы Левандовский заподозрил меня в чём-то похожем.

Вернувшись на этаж, где располагался наш офис, я села за стол и потёрла виски, в которых угнездилась тупая боль. Не слишком сильная, чтобы травить себя таблетками, но и мешающая нормально жить и работать. Что там говорил Левандовский? Нужно разобрать документы и попытаться найти рецепт приличного кофе. Вот этим, пожалуй, и стоит заняться, чтобы только не погружаться в вещи, совершенно меня не касающиеся.

Пару часов ушли на то, чтобы понять, как разложить ворох бумаг хотя бы по схожести содержания. Не то чтобы я была глупа или не умела читать… но миллиард каких-то формул, диаграмм и таблиц расшифровать без людей знающих было просто невозможно. Поэтому в итоге я сдалась и начала складывать листы в пачки по тридцать штук. Так дело пошло веселее. Собрав их в несколько подшивок, я, довольная своей работой, отправилась в кабинет Левандовского, где и водрузила папки на стол босса.

Необъяснимое возбуждение, рождённое моей неуёмной фантазией, охватило меня не сразу. А когда я поняла, что именно испытываю, вопреки здравому рассудку, осталась в кабинете Адама вместо того, чтобы бежать из него без оглядки.

Это было то место, где всё дышало Левандовским – начиная от аромата парфюма, пропитавшего собой воздух, заканчивая какими-то

минималистическии вещами, стоящими то тут, то там. Например, чёрной эбонитовой статуэткой возле монитора его компьютера. Или графином с водой, больше похожим на прямоугольную вазу.

Рассматривая кабинет, будто оказалась в нём впервые, я запоминала какие-то несущественные детали, словно пыталась проникнуть в самую суть хозяина этого помещения. Что, впрочем, мне вряд ли бы удалось в любом случае. Мой взгляд скользил по предметам мебели и обихода, пока не наткнулся на стол Левандовского. Я нахмурила брови и прищурилась. Неужели он не лгал и не шутил, когда рассказывал, как именно трахал здесь всех своих бесчисленных женщин, которых после увольнял без сожаления? Наверняка нет. Ему совсем не нужно было придумывать подобного, потому что при одном взгляде на босса становилось ясно сразу – любая, кого бы он ни пожелал, окажется под ним тотчас, как он щёлкнет пальцами. И я не исключение… Иначе как объяснить себе то, что я уже несколько десятков, а то и сотен, раз представляла себе, каково это. Каково чувствовать его руки на своём теле, губы на своих губах, его – внутри себя. Интересно, как он делает это. Как берёт женщин – грубо и быстро, удовлетворяя свои потребности, или медленно, пока они не начинают умолять его о большем?

Как они садятся на этот стол? Сначала на самый край, потом он толкает их, понуждая лечь на спину, подтягивает рывком к себе, срывает одежду, разводит ноги и берёт?

Повинуясь какому-то дурацкому желанию, я подошла ближе к столу и сделала то, чего совершенно не собиралась – устроилась на краешке и чуть откинулась назад. Если бы Адам был сейчас здесь, что он сделал бы?

Фыркнув, я встала и покачала головой. Хороша бы я была, если бы Левандовский зашёл в этот момент в кабинет. Берите меня, босс, я вся ваша!

Обойдя стол, я включила компьютер и устроилась в кресле Адама Даниловича. Ту адскую навороченную штуку, с которой Левандовский меня так и не познакомил должным образом, я старалась обходить стороной, а вот у босса был вполне себе привычный на вид компьютер, в котором я и собиралась немного покопаться на предмет поиска приличных рецептов кофе.

Сменив пользователя – учётная запись Левандовского ожидаемо была запаролена – я вышла в интернет и погрузилась по самую макушку в список более чем трёхсот разновидностей этого напитка. С коньяком, чёрным перцем, солью – каких только извращений не претерпевал кофе на пути к его любителям. Записывая самые, на мой взгляд, интересные варианты в прихваченный блокнот, я раздумывала о том, стоит ли внести в меню босса разнообразие в виде кофе с желтком, когда дверь внезапно открылась и на пороге появилась ухоженная девушка, в которой я узнала Веронику.

Красивая, высокая, стройная, одетая с иголочки, она воззрилась на меня с выражением брезгливости на лице, но быстро взяла себя в руки, очевидно, вспомнив, что именно она меня сюда и устроила.

– А Адама Даниловича нет… – пролепетала я, поднимаясь из-за стола, будто меня только что поймали с поличным на месте преступления.

– Я вижу. И я не к нему. Искала тебя.

Она прошла в кабинет, бросила сумку на стул, а я всё это время настороженно следила за ней, гадая, зачем именно могла ей понадобиться. И испытывая такой водоворот эмоций, что у меня едва ли не закружилась от них голова. Вот, о ком мне нужно думать, представляя рядом с боссом женщину. Вернее, совсем не нужно, но разве сердцу прикажешь? Вот, кто имеет для него единственное значение, его невеста, будущая жена, которая родит ему детей, будет оберегать очаг их семейной жизни и любить Левандовского до конца своих дней. А не весь тот сонм секретарш, вереницей прошедших через его постель. Ну, или стол.

– Адам сказал, что он поехал куда-то по работе. Это так? – внезапно задала вопрос Вероника, заставляя меня нахмуриться.

– Если он вам так сказал, то это так.

– Да, он так мне сказал. Но тебе ли не знать, что мужчины в таких вопросах часто лгут.

Тут она была неправа – мой небольшой опыт общения с противоположным полом не сталкивал меня с подобными ситуациями, но говорить об этом Веронике я не стала. Меня занимало другое – она что, пришла сюда выяснить что-то о

собственном женихе?

– Адам Данилович поехал по делам. Сказал, что сегодня в офис уже не вернётся, – твёрдо ответила я, будто единственной моей задачей сейчас было прикрыть босса.

– Хорошо.

Она снова посмотрела на меня с прищуром, после чего обошла кабинет по кругу, остановилась за моей спиной, и хмыкнула. Отодвинув меня от стола, Вероника принялась рыться в ящиках Левандовского, а я стояла, понятия не имея, принято у них так, или нет. И почему босс не оставил мне на этот счёт никаких инструкций?

Я уже было собралась возмутиться, справедливо полагая, что лучше уж получу нагоняй от Адама за то, что вмешалась, чем за то, что бездействовала, когда его невеста наконец извлекла из стола фотографию в рамке и, установив её рядом с эбонитовой статуэткой, отстранилась, оценивая результат своей работы.

– Адам бука. Сказал, что не хочет лишнего хлама на своём столе.

Я поджала губы, чтобы не рассмеяться. Это было настолько в стиле босса, что даже сомнения не возникало – он сказал про её фото именно такие слова. Но приступ веселья быстро закончился. Вероника, подойдя ко мне вплотную, вдруг проговорила:

– Я могу на тебя положиться?

Я видела, что она скорее борется с собой, притворяясь, что испытывает ко мне дружеские чувства, но, видимо, ей было что-то от меня нужно. Какая-то помощь.

– Смотря что вы имеете в виду под словом «положиться».

Она растянула губы в насквозь фальшивой улыбке, оглядывая меня с ног до головы, после чего произнесла:

– На данный момент ты станешь тем человеком, с которым Адам будет проводить очень большое количество времени. Я предлагаю тебе стать моими ушами и глазами. Если вдруг тебе покажется, что он ведёт себя странно – просто скажи мне об этом, хорошо? В долгу я не останусь.

– Что значит странно? – уточнила я, едва удержавшись от вопроса: «Ещё страннее, чем обычно?».

– Ну, например… будет ездить на какие-то встречи, которые не запланированы у вас на день.

Она что, думает, что я буду шпионить за собственным боссом? Боссом, который не далее как пару часов назад предупреждал меня, чтобы я была ему преданной? Но вовсе не в этом крылась причина, по которой внутри меня родилось возмущение.

– Ты не подумай, что я толкаю тебя на что-то из ряда вон выходящее! Это всего лишь предосторожность, которая будет Адаму только на пользу.

– Я не понимаю…

– А тебе и не нужно понимать. В мире, где он вращается, нужно быть начеку. Адам порой способен заиграться, а ты… ты можешь стать тем человеком в тени, который будет всегда осведомлён обо всём. И этим поможешь и ему, и мне.

Я действительно ничего не понимала. Левандовскому угрожает опасность? Но почему тогда Вероника не поговорит с ним об этом лично? Боже, как всё запутано…

– Я ничего не могу вам обещать, Вероника, но если вдруг пойму, что Адам Данилович, как вы изволили выразиться, заигрался – обязательно приму меры.

Мысленно морщась от пафоса, которым были окрашены эти слова, я почувствовала себя в этот момент особенно никчёмной. Не успела и полдня отработать, а уже меры готова принимать относительно того, в чём не разбиралась от слова «совсем». Но Веронику, судя по всему, мой ответ в некоторой степени удовлетворил. Кивнув, она забрала свою сумку и, ни слова не

прибавив, вышла из кабинета, оставив меня в полном смятении.

Это состояние охватило меня целиком к моменту, когда мне нужно было возвращаться домой. Я раз за разом прокручивала в голове то, что мне сказал босс, и то, что говорила Вероника, но не могла прийти к единому разумному решению. Рассказать Левандовскому о разговоре с его невестой? Не станет ли это поводом для их ссоры, в которой обвинят в первую очередь меня? Но не навлечёт ли моё молчание беду на Адама?

Ложась в постель с мигренью, я закрыла глаза и попыталась не думать ни о боссе, ни о его невесте, но получалось плохо.

Насколько же легче и проще была моя жизнь, когда я не была знакома с Левандовским! И в то же время – насколько скучной, безэмоциональной и тусклой. Решив, что лучше всего мне пока занять позицию наблюдателя и не вмешиваться в то, в чём я ничего не смыслила, я повернулась на бок, накрылась одеялом с головой, а через минуту уже крепко спала, надеясь, что хотя бы в мой сон доступа у босса нет и не будет.

Звонок Ники поздним вечером того же дня, когда Адам ездил по магазинам Левандовски с незапланированными проверками, застал его уже в постели. Бокал дорогого французского коньяка и вечерние новости по телевизору – такова была его сегодняшняя программа на вечер. Совершенно для него нестандартная хотя бы потому, что он был один. Но сейчас Адам хотел именно этого.

– Да, – он ответил на звонок неохотно и даже не собирался скрывать ноток недовольства, отчётливо прозвучавших в голосе.

– Привет, любимый, – нежно проворковала на том конце Ника.

Господи, как он ненавидел этот тон и эту фальшивую ласковость. И почему только раньше сносил все терпеливее?

– Здравствуй, – ограничился он коротким приветствием.

– Где ты сейчас?

– Дома.

– Один?

– Нет, в компании шлюх. Вызвал на дом. Десять штук. Оптом дешевле, как ты знаешь.

– Адам, не шути так!

– А с чего ты взяла, что я шучу?

Повисла тишина. Только ее возмущённое дыхание в трубке. Только терпкий, с небольшой горчинкой, вкус коньяка на его языке.

– Мы давно не были вместе, – наконец произнесла Ника. Ласки в голосе как не бывало, одно лишь недовольство.

– И?

– Хочешь, я приеду?

– Нет.

– Значит, действительно притащил к себе какую-то шлюху!

Он знал, что Ника ему ещё нужна. Но также он знал, что его это все достало.

– Ника, я не думаю, что тебя это касается, – его тон звучал предупреждающе, но она ему не вняла.

– Что? Вообще-то я твоя невеста!

– Вообще-то тебе прекрасно известна истинная суть наших отношений. Но если ты забыла, то я напомню: я делаю, что хочу, а ты делаешь, что я скажу. В обмен

на высокий статус моей невесты и соответствующее ему положение в обществе, которым тебе так нравится кичиться.

– А что, если меня это больше не устраивает?

– Значит, меня больше не устраиваешь ты, – сказал он холодно и усмехнулся.

– Я думала, что мы поженимся, – в голосе Ники послышались истерические нотки.

– Ты верно заметила – ты думала. Я такого не говорил.

– Но ты не отрицал!

– Мне было так выгодно, – пожал плечами Адам.

– Ты меня использовал! – почти выкрикнула она.

– И это абсолютно взаимно. Ты ведь тоже охотно пользовалась моим именем. Так что не устраивай сцен. Мы оба знаем, что я для тебя – своего рода модный аксессуар, который так приятно выставлять на всеобщее обозрение. Но хорошего понемножку.

– Я тебе нужна… – Он ясно ощущал, как Ника судорожно ищет доводы в свою пользу. – Ведь скоро очень важный для тебя прием.

– Ты действительно думаешь, что мне некого будет на него взять? – В словах и тоне Адама сквозила неприкрытая насмешка.

– И кого же ты возьмешь? Одну из своих разукрашенных шлюх, которая даже не знает как себя вести в приличном обществе?

– Ну почему же. Хотя бы вот… – Он немного подумал и едва не рассмеялся, представив реакцию Ники на то, что собирался сказать. – Хотя бы вот Еву, мою новую секретаршу. Кстати, спасибо за рекомендацию. Ты была права – она мне прекрасно подходит.

– Эту…? – кажется, от удивления у Колчановой напрочь иссяк и без того небогатый словарный запас.

– Да, именно эту. Или ты присылала кого-то ещё?

Адам готов был поклясться, что Ника сейчас злобно скрипит своими отбеленными зубами. От этой воображаемой картины он испытал странное удовлетворение.

– А знаешь ли ты, что на нее нельзя полагаться? Что с прошлой работы ее уволили за безответственность… и воровство?

– Воровство? – Левандовский хмыкнул. – И что же она воровала, позволь узнать? Старые потрёпанные книжки?

– Неважно! Сам факт…

– Как интересно, – протянул он, снова пригубливая коньяк, – то есть, ты рекомендовала мне эту девушку, зная все это?

По возникшей тишине Адам понял, насколько Ника растеряна. С наслаждением смакуя янтарный напиток на кончике языка, он ухмылялся. Разговор уже не раздражал, а скорее забавлял его. Какой же надо быть идиоткой, чтобы подставить саму себя?

– Я не знала этого, когда рекомендовала ее тебе. Меня попросил об этом ее отец. А потом я навела собственные справки…

– Очень мило с твоей стороны, – перебил Адам, – но дальше я разберусь сам. Со своей секретаршей, своими делами и своим приемом. – На слове «свой» он каждый раз делал ударение, чтобы хотя бы на рефлекторном уровне донести до Ники то, что она больше не имеет к нему никакого отношения.

– Как хочешь, – голос Колчановой стал злым, – но имей в виду, что вчера я застала ее в твоём кабинете, роющейся в твоём компьютере! – она в свою очередь издевательски выделила слово «твой», после чего, не дожидаясь ответа, отключилась. А жаль. Разговор с Никой был способен заменить просмотр

самого блестящего в своей постановке ток-шоу.

Отложив телефон, Левандовский ещё какое-то время сидел, сжимая в руке бокал и глядя на экран огромного телевизора невидящими глазами. Разобрать, что из сказанного Никой – правда, а что – ложь, всегда представлялось задачей, равноценной поиску иголки в стоге сена. Возможно, ему стоило бы внять ее предупреждениям относительно Евы, но Адам уже сказал последней все, что считал нужным. И если после сказанного она переступит грань его доверия – ей же хуже. А до той поры у него не было никаких причин подозревать свою новую секретаршу в чем бы то ни было. И до тех пор, пока лично не убедится в том, что Ева нарушила оглашённое им правило – он будет ей верить.

Следующим утром Адам внимательно изучал свежие отчёты о продажах, отвлекаясь лишь на то, чтобы сделать глоток приготовленного Евой кофе, по вкусу намного превосходящего вчерашний. Нужно будет спросить, что она туда такого намешала. Это, конечно, был не его любимый эспрессо, но что-то настолько вкусное, что он готов был стерпеть ее самодеятельность.

Просмотренные Адамом отчёты говорили о том, что он и так прекрасно знал – компания Левандовски корпорейшн твердо стояла на ногах, демонстрируя завидную стабильность на нестабильном рынке. Но ему этого было мало. В бизнесе он всегда искал новый вызов, ставил перед собой самые высокие цели и испытывал ни с чем несравнимое удовольствие, когда их достигал. А достигал он своих целей всегда. Вот и теперь ему было недостаточно того, что компания, когда-то начинавшаяся с купленной им за бесценок разорившейся фабрики по производству дешевой косметики, из которой в результате многолетнего труда он сделал бренд с мировым именем, приносит стабильный доход. Адам хотел взорвать рынок. Хотел сотворить громкую сенсацию в мире парфюмерии.

Именно с этой целью в принадлежащей ему лаборатории разрабатывался сейчас особый аромат, который должен был возглавить новую парфюмерную линейку. В отличие от многих компаний – в том числе и самых именитых – Адам предпочитал содержать собственную лабораторию, в то время как абсолютное большинство заказывало концентрат у компаний вроде Creassence, потому что это было намного проще и дешевле. Но Левандовскому нравилось контролировать весь процесс от и до, а потому он не скупился на сопутствующие своему капризу затраты. Персонал, работавший в его лаборатории, был весьма интернациональным в виду того, что Адам переманил к

себе из Европы многих специалистов самого высокого уровня. И при этом не забывал прикреплять к ним в помощники кого-то из местных работников для обретения и перенятия ценного опыта.

Адаму не терпелось поскорее посетить лабораторию, чтобы узнать, что сотворили его парфюмеры, но он заставил себя обратить внимание на документы, которые Ева положила ему на стол. Их была просто гигантская кипа. Конечно, он целую неделю ничего не подписывал, но не могло же за это время скопиться сто кило бумаг ему на подпись?

Он быстро просмотрел некоторые из принесенных Евой подшивок, и, нахмурившись, нажал на кнопку селектора.

– Зайдите, пожалуйста.

Она вошла в кабинет в своём уже привычном безразмерном пиджаке, но на сей раз, увы, без берета, и сказала:

– Да, босс.

Проигнорировав дразнящую интонацию в ее голосе, и продолжая недовольно хмуриться, Адам поинтересовался, указав на бумаги:

– Можно узнать, что это? Как минимум половины этого добра на моем столе быть не должно. Отсортируйте документы. Графики, отчёты и тому подобное разложите по папкам, которые стоят в приемной в стеллаже. А мне принесите только то, что требует моей подписи. Или, по-вашему, у меня здесь пункт сбора макулатуры?

По ее лицу он понял, что говорил слишком резко. Чтобы смягчить эффект от своей отповеди, Адам добавил:

– Сегодня вы сварили великолепный кофе, – в подтверждение своих слов он сделал новый глоток. – Что вы туда положили?

– Желток. Яичный.

Левандовский почувствовал, что его сейчас стошнит. Он отвернулся от экрана компьютера, ища куда сплюнуть, но, не удержавшись, прыснул. По фотографии Ники, которая непонятно какого черта стояла на его столе, потекли светлые струйки. Хотя нет, все как раз было очень даже понятно, – подумал он, глядя на ее забрызганное кофе лицо. Значит, она действительно была здесь вчера.

Выплюнув остаток жидкости в чашку, Адам вытащил из кармана платок и вытер губы, после чего с досадой смахнул фото со стола на пол.

– Уберите ее отсюда, ради Бога! Выбросьте. Сожгите. Порвите. Что угодно, но чтобы я больше это фото не видел.

Когда Ева подобрала рамку с фотографией, по стеклу которой разбежались уродливые трещины, и пошла к двери, он окликнул ее:

– Ева?

– Да, босс?

– Вы ничего не хотите мне сказать?

Она замялась, и это не укрылось от его внимательного взгляда. Что она делала тут накануне в его отсутствие? Просто заносила бумаги или пыталась найти что-то, что ее не касалось? Он мог только гадать на этот счёт, если она сейчас не скажет ему сама. Но Ева лишь молча покачала головой, и, подавив в себе разочарование, он махнул рукой в сторону двери:

– Можете идти. После обеда будьте готовы ехать в лабораторию, а до той поры разберите, наконец, эти чертовы бумаги.

В лаборатории Левандовски, располагавшейся в современном здании за чертой города, царила настоящая какофония запахов, в которой, казалось, ничего невозможно было разобрать. Но его опытные парфюмеры с их заточенным нюхом умели вычленять из всего этого именно то, что было необходимо. По крайней мере, так Адам думал до этого дня.

Его всегда забавляло то, как выглядели сотрудники перед его запланированным визитом. Напряжённо-сосредоточенные и опрятные, на халатах – ни пятнышка, от чего создавалось впечатление, что они здесь не работают, а стоят, как манекены на витрине. При его появлении все вытянулись по стойке смирно и, поздоровавшись с каждым, Адам прошел в святая святых – туда, где его ждал будущий взрывной аромат Левандовски.

Надо сказать, что именно таким – взрывным – он и оказался.

Адам с трудом сохранил нейтральное выражение лица, когда отстранил от себя пузырек с концентратом.

– Как по-вашему, чем это пахнет? – поинтересовался он по-английски у своего ведущего парфюмера, приглашенного им из Франции.

– О, там лимон, мускус, камфора, мелисса…

– Это я чувствую и сам. Я спрашиваю, чем это все, по-вашему, в итоге пахнет?

– Ммм…

– Не знаете? А я вам скажу: это пахнет кошачьей мочой, – сказав это, Левандовский весьма душевно улыбнулся, но в улыбке этой сквозила издевка.

Пока парфюмер смотрел на Адама ошарашено, тот повернулся к Еве, стоявшей у него за спиной, и сунул пузырек ей под нос:

– Вы, как несомненный специалист по кошкам, должны распознать родной запах.

Секретарша осторожно вобрала в себя аромат концентрата и тут же закашлялась. Он удовлетворенно кивнул:

– Будем считать, что я получил ответ.

– А про кошачью мочу – это записывать? – донесся до него ее сдавленный голос.

– Обязательно, – усмехнулся Левандовский и снова посмотрел на несчастного парфюмера.

– Мой дорогой Этьен, то, что такой опытный специалист, как вы, не замечает того, что наш будущий флагманский аромат воняет – именно воняет – тем, что женщина может получить и бесплатно, заведя в доме кота, означает, что уровню бренда Левандовски вы больше не соответствуете. – Адам говорил все это с такой жуткой любезностью, что у бедолаги-француза на лбу выступил пот. – А если вы это замечаете и позволяете себе тратить месяцы работы на то, что – я повторюсь – бесплатно можно понюхать в результате недержания у кота – вы не соответствуете уровню компании вдвойне.

Парфюмер в ужасе молчал, и Адам, продолжая глазами сверлить беднягу так, что тот уже должен был превратиться в решето, все тем же ласковым тоном поинтересовался:

– Как вы считаете, на кого ориентирован наш новый продукт?

– На уверенных и знающих себе цену женщин? – предположил опасливо француз.

– И много таких, по-вашему?

– Должно быть…

– Ошибаетесь. И наша задача – создать именно такой аромат, который помог бы любой женщине – даже самой скромной и зажатой – почувствовать себя уверенно и неотразимо.

– Но… но ведь об этом раньше не говорилось, – пролепетал Этьен.

– Верно, – охотно согласился Адам, – я это придумал только что. – Он кинул взгляд из-за плеча на удивлённо воззрившуюся на него секретаршу и приподнял бровь: – Записывайте, Ева, записывайте, – и, снова повернувшись к парфюмеру, добавил: – Так вот, Этьен, я хочу, чтобы вы в кратчайшие сроки создали мне такой аромат. Это ваш последний шанс сохранить даже не свою немаленькую зарплату, а в первую очередь – свою репутацию.

Когда за Левандовским и Евой закрылась дверь лаборатории, выпуская их на улицу и позволяя сделать глоток обжигающего стылого воздуха после удушливой смеси миллионов ароматов, Адам сказал, приподнимая воротник пальто:

– Спасибо.

– За что? – не поняла Ева.

– За идею, – коротко кинул Левандовский и начал спускаться по ступенькам к стоявшей у тротуара машине. – Ну что, вы идете? – кинул он застывшей на месте секретарше через плечо.

Ночь накануне поездки в лабораторию Ева провела почти без сна. Проснулась в четыре утра от какого-то кошмара, в котором её заваливало бумагами, потом кофейными зёрнами, а следом – фотографиями невесты Левандовского. И сразу поняла – она лучше будет бодрствовать, чем снова уляжется в постель и увидит ненавистное лицо ухоженной Вероники, смотрящее на неё с нескольких снимков.

Пройдя на кухню с плеером, Ева уселась на уголке, обняла колени руками и включила музыку. Пожалуй, пора было расстаться с уверенностью, что она сможет не думать о Левандовском. И смириться с тем фактом, что все её мысли были только о нём.

Например, спит он сейчас или нет? Что ему может сниться? Новые контракты или разработки? Или что-то спокойное? А если не спит – чем занимается? Любовью со своей невестой? Или с какой-то другой женщиной?

Ева поморщилась, когда воображение свернуло не туда. Всё же она мазохистка, и даже спорить с самой собой в этом вопросе бессмысленно.

Она приехала в офис к восьми, справедливо полагая, что больше проверок, подобных вчерашней, босс затевать не будет. У Евы было четыре часа на то, чтобы избавиться от причиняющих неприятные ощущения мыслей, но этим

временем она не воспользовалась. Напротив, умудрилась накрутить себя ещё больше, так что в офис Левандовского поднялась в каком-то странном раздрае. Чего только стоила первая встреча с боссом, когда она скорее почувствовала, чем заметила, как Адам срывает злость на ней. Это тоже было неприятно и болезненно, хотя, стоило просто вспомнить, что Левандовский платит ей большие деньги, так что вполне можно было и перетерпеть.

Но терпеть Ева не намеревалась. Зачем-то соврала боссу, что добавила в кофе желток, что впрочем возымело неплохой эффект. Фотография Ники, которую та так заботливо поставила на стол своего жениха ещё вчера, теперь выглядела как тот самый хлам, да ещё и весь в неприглядных потёках. Ну, хоть какой-то бонус от её маленькой лжи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/rey_tati/da-boss

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить